

Взаимодействие Евросоюза со странами Юго-Восточного Средиземноморья: от «кольца друзей» к «кольцу огня»

© Тимакова О.А.^а, 2022

^а Дипломатическая академия МИД России. Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4185-0194; o.timakova@dipacademy.ru

Резюме. В политике Европейского Союза регион Средиземноморья - ключевой, а страны Ближнего Востока и Северной Африки выделены в группу Южных соседей. За последнее десятилетие регион Средиземноморья претерпел глубокую трансформацию. Масштабные вызовы - политическая нестабильность, терроризм, миграция, экологические проблемы и стихийные бедствия - не поддаются контролю. Кризисные тенденции на Ближнем Востоке и в большей части Северной и Центральной Африки вызывают непредсказуемые, а главное - значительные побочные эффекты, сказывающиеся не только на безопасности и стабильности Европы, но и на функционировании мировой системы.

Дестабилизация региона сказалась на восприятии Европейским Союзом Средиземного моря как источника экзистенциальных угроз. Более того, нестабильность в Юго-Восточном Средиземноморье резко изменила взгляд ЕС на региональных партнеров: вместо «кольца друзей» - «кольцо огня». Эта тенденция закреплена на официальном уровне в государствах Европы, а также в ЕС и НАТО. Отсутствие прогресса в различных инициативах ЕС по Евро-Средиземноморскому партнерству с начала кризиса «арабской весны» привело в странах Ближнего Востока и Северной Африки к потере общественного доверия к ЕС.

В статье рассмотрены концептуальные основы политики Европейского Союза в отношении стран Юго-Восточного Средиземноморья, а также определены ключевые подходы ЕС к противодействию угрозам и вызовам, возникающим в регионе.

Ключевые слова: Европейский Союз, Ближний Восток и Северная Африка, Средиземноморье, миграционный кризис, «арабская весна», «стрессоустойчивость», политика соседства

Для цитирования: Тимакова О.А. Взаимодействие Евросоюза со странами Юго-Восточного Средиземноморья: от «кольца друзей» к «кольцу огня». *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 29-37. DOI: 10.31857/S032150750015837-2

European Union interaction with South-Eastern Mediterranean: From “Ring of friends” to “Ring of fire”

© Olga A. Timakova^a, 2022

^a Diplomatic Academy, MFA of Russia. Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4185-0194; o.timakova@dipacademy.ru

Abstract. The Mediterranean region is key in the policy of the European Union, and the countries of the Middle East and North Africa are singled out in the group of Southern neighbors. Over the past decade, the region has undergone a profound transformation. Large-scale challenges - political instability, terrorism, migration, environmental problems and natural disasters - are beyond control. Crisis trends in the Middle East and most of North and Central Africa cause unpredictable and, most importantly, significant side effects that affect not only the security and stability of Europe, but also the functioning of the world system. Destabilizing events have led to the fact that the Mediterranean is now viewed as a source of existential threats.

Moreover instability in the Southeast Mediterranean has dramatically changed the EU's perspective of the regional partners from a “ring of friends” to “a ring of fire”. This trend is recognized at the official level in the states of Europe, as well as in the EU and NATO. The lack of progress in various EU Euro-Mediterranean Partnership initiatives since the onset of the Arab Spring crises has resulted in a loss of MENA public confidence in EU.

The article examines the conceptual foundations of the European Union for their policy towards the countries of the Southeast Mediterranean, as well as identify the key EU approaches in countering the threats and challenges that arise in the region.

Keywords: European Union, Middle East and North Africa, Mediterranean, migration crisis, Arab Spring, resilience, neighborhood policy

For citation: Olga A. Timakova. European Union Interaction with South-Eastern Mediterranean: From “Ring of Friends” to “Ring of Fire”. *Asia and Africa today*. 2022. № 2. Pp. 29-37. DOI: 10.31857/S032150750015837-2

ВВЕДЕНИЕ

Средиземноморский регион - точка пересечения интересов многих акторов мировой политики и мировой экономики. Средиземноморье сегодня представляет собой, как описали его в министерстве иностран-

ных дел Италии, «геополитический парадокс» [1, р. 3]: регион одновременно и фрагментированный, и в то же время - взаимосвязанный.

С одной стороны, архитектура безопасности, на которой строится политическая, экономическая, социальная и культурная стабильность Средиземноморского региона вызывает все большие сомнения из-за множества кризисов, противостояния интересов мировых держав, идеологических и межрелигиозных столкновений. С другой стороны, регион - платформа для экономических, энергетических и инфраструктурных связей между Европой, Африкой и Азией.

Интересы трансатлантического сообщества были связаны с регионом Средиземноморья на протяжении многих веков. Однако дестабилизирующие события второго десятилетия XXI в. привели к тому, что ныне Средиземноморье рассматривается государствами Евро-Атлантики как источник экзистенциальных угроз: вот лишь некоторые из них - нестабильность и радикализм, неконтролируемая миграция, организованная преступность и терроризм.

Эту тенденцию признают на официальном уровне в государствах Европы, а также, и в ЕС, и в НАТО. Если, например, Стратегия безопасности Европейского Союза 2003 г. декларировала, что «Европа никогда не была такой процветающей, такой безопасной и такой свободной»¹, то уже к 2016 г. возникло понимание, что «[ЕС] нужна более сильная Европа». В Глобальной стратегии Евросоюза² констатируется: «Это то, чего заслуживают наши граждане, этого ожидает весь мир. Мы живем во времена экзистенциального кризиса как в Европейском Союзе, так и за его пределами». В рамках европейского политического дискурса сформировалось понимание о «новой нормальности», под которой подразумеваются взаимозависимые кризисные тенденции в ближнем зарубежье, которые усугубил коронавирусный кризис

В статье рассматриваются концептуальные основы Европейского Союза, его политика в отношении стран Юго-Восточного Средиземноморья, а также определяются ключевые подходы ЕС в противодействии угрозам и вызовам, возникающим в этом регионе.

ГЕОПОЛИТИКА СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ И КОНЦЕПЦИЯ «СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ»

Подходов к концептуализации Средиземноморского пространства - большое количество. В целях их систематизации в рамках исследования логично, на наш взгляд, выделить две большие группы работ. Одна группа видит Средиземноморский регион как зону единения и сотрудничества. Вторая - указывает на фрагментированность региона, а взаимозависимость в данном случае предполагает негативные коннотации колониального прошлого.

При первом подходе, принято традиционно исходить из труда французского историка Ф.Броделя, основоположника концептуализации Средиземноморья как единого региона [2]. Взяв за отправную точку XVI в., он постулировал единство средиземноморской цивилизации, важная особенность которой, с его точки зрения - ее однородность и значимость для истории всего человечества.

Продолжателями Ф.Броделя стали оксфордские исследователи П.Хорден и Н.Парселл, которые в 2000 г. опубликовали монументальное историографическое исследование о Средиземноморском пространстве и агентах в рамках школы конструктивизма [3]. Они обосновывали «отличительную целостность» Средиземноморья и строили свою работу на дифференциации агентов Средиземноморья и агентов, действующих в Средиземноморье.

Эти авторы расширили концепцию Броделя. Если Бродель считал географию системообразующим элементом региона, то Хорден и Парселл добавляют к этому социальные связи между сообществами, т.е. взаимозависимость микросред или, как они их называют, «микроэкосистем». Более того, взаимосвязи выстраиваются главным образом для скоординированного ответа сообществ на вызовы окружающей среды, природные катастрофы и изменение климата.

Единство Средиземноморского пространства в дальнейшем получило широкое изучение. В т.ч. можно выделить теории, утверждающие, что оно основывается, как ни парадоксально, на изменчивости региона [4]. Однако, обращается внимание на то, что хотя Европа и Средиземноморье неразрывно связаны, по-

¹ European Security Strategy - A Secure Europe in a Better World. European Council, 2003.

² Witney N., Dennison S. Europe's Neighbourhood: Crisis as the New Normal. European Council on Foreign Relations. Policy Memo, 2015. https://ecfr.eu/publication/europes_neighbourhood_crisis_as_the_new_normal/ (accessed 15.07.2021)

следние события демонстрируют преобладание нарратива дезинтеграции и делегитимации, причина которых кроется в гибридных угрозах.

Дискурс необходимости борьбы с гибридными угрозами и достижения «стрессоустойчивости» в политическом пространстве как Европейского региона, так и ближайшего зарубежья, настолько прочно вошел в европейские экспертные и официальные дискуссии, не получив, впрочем, достаточного концептуально-го осмысления, что это привело к потере его смысловой наполненности.

Анализ стратегии Европейского Союза по отношению к государствам ближнего зарубежья чаще всего рассматривается именно в рамках программ соседства. В целом, Европа рассматривает себя как «нормативную силу», чье влияние на мировую политику заключается в том, чтобы подавать идеальный пример источника мира, благополучия и демократии [5]. А система отношений с соседями в регионе Средиземноморья в рамках, например, Барселонского процесса 1990-х гг., воспринимается как реализация концепции «Вечного мира» И.Канта [6].

Однако такой оптимизм и даже самоуверенность явно преувеличены и не соответствуют реалиям политического процесса в Средиземноморье. Это продемонстрировала неспособность Европейского Союза выработать общий подход к восстаниям «арабской весны». Необходимо обратить внимание, что экспертное сообщество в Евро-Атлантике не игнорировало угрозы с Юго-Востока Средиземноморья. Еще в 1990-х гг. исследователи указывали, что Запад должен поддерживать стабильность на Ближнем Востоке, или «[он] дестабилизирует Запад»³.

Лейтмотивом новой политики ЕС в регионе Средиземноморья выбрана концепция «стрессоустойчивости» - Глобальная стратегия Европейского Союза. Опубликованная в 2016 г., эта стратегия обозначила «стрессоустойчивость» как главный руководящий принцип всей внешней политики ЕС⁴. Концепт «стрессоустойчивости» призван заменить столь же неопределенную концепцию «стабильности», а также концепции «демократизации», «прав человека» и «гуманитарной безопасности», которые обычно соседствуют с ним в документах [7].

«Стрессоустойчивость» остается довольно широким и неопределенным понятием. Эксперты и аналитики [8; 9; 10] способствовали его большей проработке, но единого подхода к этому концепту выработано не было; более того, на практике «стрессоустойчивость» может подразумевать различные стратегии.

Некоторые ученые утверждают, что «стрессоустойчивость» пришла в теорию международных отношений из биологии, а конкретнее - из экологии. Эта концепция, в соответствии с дарвинистской логикой, подразумевает адаптацию к изменениям окружающей среды и, в конечном итоге, влечет за собой выживание сильнейших, «естественный отбор» в мировой политике [11]. Наблюдается «тревожный консенсус», как выразился профессор Университета Шеффилда Дж.Джозеф, между государствами, бизнесом и другими акторами мировой политики в понимании того, что «стрессоустойчивость» по умолчанию и без всякого сомнения подразумевает ценность, к которой нужно стремиться любой ценой [12].

В самой Стратегии ЕС «стрессоустойчивость» определяется весьма размыто, как «способность государств и обществ к реформам, таким образом противостоя и восстанавливаясь от внутренних и внешних кризисов»⁵. Следовательно, можно утверждать, что создание «стрессоустойчивых» государств, а также государственных институтов и гражданского общества в Юго-Восточном Средиземноморье (в субрегионах Магриба, Сахеля, Леванта) одинаково необходимо для ЕС, НАТО и государств-членов.

В 2017 г. для интерпретации положений Глобальной ЕС было выработано совместное коммюнике Еврокомиссии и Высокого представителя Евросоюза по внешней политике - «Стратегический подход к стрессоустойчивости в внешней политике ЕС»⁶. Европа теперь намерена сосредоточиться не только на предотвращении кризисов или любых других потрясений как таковых, но на поддержании функционирования институтов в условиях шока и пост-кризисного восстановления государств.

³ Havel V. NATO's Quality of Life. *New York Times*. 13.05.1997. <https://www.nytimes.com/1997/05/13/opinion/nato-s-quality-of-life.html> (accessed 23.11.2021)

⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union, 2016.

⁵ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union, 2016.

⁶ Joint Communication to the European Parliament and the Council. A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action. European Commission/High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, 2017.

КОЛОНИАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ И СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Второй подход, указанный выше, основан на предположении об окончательном разобщении и конфликтной природе Средиземноморского региона. Средиземное море в таком случае превращается в границу или разделительную линию между цивилизациями.

Одна из теорий предполагает, что Южный берег представляет экзистенциальную угрозу для Севера, как, например, в знаменитой работе С.Хантингтона. В его «Столкновении цивилизаций» происходит возврат к роли культурного императива в мировой политике и констатируется безальтернативность конфликта между Западом и Мусульманским миром.

Противоположная ей теория устанавливает, что именно Северный берег подрывает развитие Юга - в данном случае значимы постколониальные интерпретации, как ответ на теорию Хантингтона. Исследователи постколониальной парадигмы идентифицировали Средиземноморский регион на центральную точку соприкосновения между доминирующим Глобальным Севером и противостоящим ему Глобальным Югом.

В то время как первая из этих теорий фокусируется на материализации культурных ценностей и норм, вторая считает основным фактором экономическую эксплуатацию и несправедливую конкуренцию. Подход Хантингтона, первоначально ставший реакцией на другую, не менее известную и спорную работу Ф.Фукуямы «Конец истории», получил особое распространение после трагических событий 11 сентября 2001 г., в частности, в форме публицистического популизма [13; 14]. Концепция Хантингтона часто критикуется за чрезмерное упрощение: например, многие конфликты интересов рассматриваются как конфликты ценностей, а внутрирегиональные конфликты (в рамках одной цивилизации) игнорируются в принципе [15].

С точки же зрения пост-колониализма, существует фундаментальный конфликт между Севером и Югом Средиземноморья - он происходит от неспособности европейских акторов к рефлексии и исправлению ошибок их колониального прошлого [16]. Возвращаясь к идеям американского историка ориентализма Э.Саида о том, что воображаемая география способна превратить расстояние в различия, постколониалисты утверждают, что это уже произошло в Средиземноморье: разделение на «мы - они» становится нормативным основанием для несправедливых практик. И, несмотря на то, что Средиземноморье представляет собой систему с множеством структурных связей, регион останется дестабилизированным из-за неразрешенных глубинных противоречий [17]. Более того, все программы сотрудничества, инициированные Европой в регионе, являются или попыткой обозначить и закрепить разграничительную линию [18], или «замаскировать неоколониальные концепции под транснациональные идеи» [19].

Данные теории в значительной степени влияют на восприятие политического процесса в Средиземноморье элитами и обществами Юго-Востока региона. Подход ЕС к определению акторов, инструментов и повестки взаимодействия в регионе без учета интересов самих региональных государств лишь усугубили эту тенденцию.

Начиная с конца 2010 г., арабские восстания стали поворотным моментом в отношениях между ЕС и регионом Ближнего Востока и Северной Африки. Изменение политического, экономического и социального восприятия Европы в 6 странах (Египет, Ирак, Иордан, Марокко, Тунис, Ливия), отражено, например, в опросе ArabTrans - международного сообщества ученых, изучающих последствия арабских трансформаций 2010-2011 гг., инициированного Европейской Комиссией. Показано несоответствие между тем, «что ЕС, как он считает, добился в регионе и местным восприятием провала политики ЕС в его влиянии и воздействии на регион»⁷.

Отсутствие прогресса в различных инициативах ЕС по Евро-средиземноморскому партнерству с момента начала кризисов «арабской весны» привело к потере общественного доверия в регионе. Например, такую тенденцию демонстрируют Опросы IEMed и MEDReset⁸ - итальянские проекты изучения проблем Средиземноморья. В частности, респонденты указывают, что ЕС в качестве поставщика мира

⁷ The Arab Transformations Project: Executive Summary. ArabTrans, 2016. http://arabtrans.eu/documents/ArabTrans_Executive_Summary.pdf (accessed 05.12.2021)

⁸ 10th Euromed Survey of Experts and Actors. IEMed, Barcelona, 2019. <https://euromedsurvey.iemed.org> (accessed 12.11.2021); Elite Survey: How Local Elites Perceive the EU and its Policies in the Mediterranean. MEDRESET, December 2018. <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/elite-survey-how-local-elites-perceive-eu-and-its-policies-mediterranean> (accessed 12.11.2021)

и гаранта безопасности и стабильности воспринимается лишь незначительным количеством населения, т.к. он не в состоянии удовлетворить ожидания Южных партнеров в вопросах безопасности и экономического развития. Большинство же убеждены, что реакция ЕС на события «арабской весны» оказалась провалом.

Критика в отношении ЕС усугубляется политикой Союза в противодействии миграционному кризису и секьюритизация им данной проблемы⁹. Отдельно отмечается, что ЕС настаивает на усилении пограничного контроля, возвращении мигрантов, как это предусмотрено в новой Миграционной стратегии вместо того, чтобы обеспечить защиту фундаментальных прав человека, которые являются высшей ценностью для Европы.

Страны Юго-Восточного Средиземноморья к тому же не воспринимают Средиземноморский регион как единое целое [20]. Скорее, акцент делается на взаимодействии в регионе Большого Средиземноморья, что частично или полностью размывает концепцию уникальной среды региона. Эти страны рассматривают ЕС как «мягкую власть» в экономической сфере, и перспективы взаимодействия в данном случае ограничиваются только торговлей и деловыми контактами. Влиятельными акторами в политической сфере или решении проблем безопасности здесь признаются внерегиональные силы: США, Россия, Китай.

В рамках содействия демократии в Юго-Восточном Средиземноморье политика ЕС не всегда рассматривается как отвечающая внутренним потребностям и интересам стран региона. Эксперты утверждают, что акцентирование усилий Европы на продвижении собственной модели демократии связано с недостаточным пониманием специфики и акторов региона. В результате местные элиты обращают внимание на то, что заявленные цели и задачи ЕС не реализованы. Они, однако, солидарны в том, что ЕС должен быть среди акторов, вовлеченных в разрешение региональных кризисов и предотвращение эскалации обстановки. Но указывают на необходимость изменения европейского подхода к различным взаимосвязанным угрозам в регионе.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОДХОДА К ПОЛИТИКЕ В РЕГИОНЕ

Начиная с середины 1990-х гг., популярность в Европе получил подход о «дуге нестабильности», включающей все Юго-Восточное побережье Средиземного моря. Эта концепция отражает идею о том, что, в целом, стабильная стратегическая среда Средиземноморья проверяется на прочность периодическими конфликтами и кризисами на Южном побережье.

В рамках этой теории кризисы, хотя и могут представлять серьезную угрозу, являются спорадическими и ограниченными по времени, разрешить их можно традиционными методами антикризисного управления и адаптацией архитектуры безопасности. За 10 лет после начала революций «арабской весны», в дополнение к непрекращающимся конфликтам в Афганистане и Ираке, войне в Сирии и нестабильности в Ливии, пришло понимание, что кризис в Средиземноморье принял перманентную форму. Арабские восстания и их последствия способствовали восприятию района как зоны неуправляемого хаоса. Как указывают западные эксперты, вопрос с созданием стабильных демократических институтов управления далек от завершения¹⁰.

Восстания в их начальных фазах показали перспективы серьезных политических и социальных изменений и ставили вопрос о смене системы регионального порядка. Однако существующая система оказалась более «стрессоустойчивой», чем хотели признать многие официальные лица и аналитики в Европе. Восстания привели к очень разным результатам в разных частях арабского мира, но по большей части они не достигли тех целей, что требовали демонстранты.

«Арабская весна» первоначально была провозглашена на Западе как своего рода демократическое пробуждение. Одновременно, еще в 2011 г., сразу после начала народных волнений в регионе, глава комиссии ЕС по расширению и политике соседства Стефан Фюле признал неспособность ЕС достаточно четко обо-

⁹ What do "The People" Want? Citizens' Perceptions of Democracy, Development, and EU-MENA Relations in Egypt, Iraq, Jordan, Libya, and Morocco in 2014. European Policy Briefs, May 2016. http://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_briefs/arabtrans_pb_062016.pdf (accessed 03.11.2021)

¹⁰ Sudan and Algeria Overthrow Despots but Not Their Political Systems. *The Economist*. April 17, 2019. <https://economist.com/international/2019/04/20/sudan-and-algeria-overthrow-despots-but-not-their-political-systems> (accessed 10.07.2021)

значить свою позицию по защите прав человека и поддержке местных демократических сил и даже ошибочность их предположения, что авторитарные режимы были гарантией стабильности в регионе¹¹. Однако последующее развитие событий в регионе поставило под сомнение существующие системы регионального управления и резко изменили представление Брюсселя о Юго-Восточном Средиземноморье из «кольца друзей» - на «кольцо огня» [21; 22]. Среди элит и экспертного сообщества развивался нарратив, что Средиземноморье теперь преимущественно нестабильное пространство и источник угроз ЕС и его государствам-членам [23].

Рычаги влияния стран Северного Средиземноморья на Южное для поддержания стабильности не так многочисленны. Несмотря на то, что западные организации (ЕС и НАТО) пропагандируют «политику открытых дверей», страны Юго-Восточного Средиземноморья не входят в список стран-кандидатов, для которых существует возможность членства даже в отдаленной перспективе. Включение страны Центральной, Восточной Европы и Балканского полуострова в ЕС и НАТО хотя и не лишено критики, позиционируется как несомненный успех организаций и важный шаг в поддержании стабильности в Европе. Страны Северной Африки и Ближнего Востока не имеют такого стимула для проведения всеобъемлющих реформ и согласования собственной политики с принципами и нормами ЕС и НАТО.

Неэффективность ЕПС для адекватной реакции на «арабскую весну» и поддержки развивающихся процессов политической либерализации, в сочетании с вспышкой новых конфликтов, привели к пересмотру политики ЕС в 2015 году¹². Ключевой характерной чертой подхода Европы к созданию кольца «устойчивых» государств заключается в том, что ответственность за безопасность сдвигается от государственных институтов к представителям гражданского общества, которые позиционируются как «активные и ответственные участники сферы безопасности» [24].

Геополитика региона также существенно изменилась с 2011 г. Попытки ЕС проецировать стабильность (или влияние) на регион вынуждены соперничать с аналогичной политикой внерегиональных акторов. Например, с 2015 г. Россия заявила о себе как о гаранте безопасности в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Столкновение интересов ведущих мировых держав в Средиземноморье несет несомненный дестабилизирующий эффект, проецируя борьбу за новый мировой порядок на достаточно взрывоопасный регион. Но одновременно способствует сохранению государственности и предотвращает хаос и распространение терроризма.

США были одним из центральных элементов региональной системы безопасности в Юго-Восточном Средиземноморье в течение нескольких десятилетий. Еще в начале 2000-х гг. эксперты были уверены, что «любая будущая система безопасности региона будет невозможна без военного присутствия США» [25]. Но уже больше 10 лет официальные лица и исследователи сходятся во мнении, что США утратили *raison d'être* своей политики в регионе. Во втором десятилетии 2000-х гг. импортируемая из региона нефть перестала иметь такое же значение для экономики США, как это было в 1980-х гг. Именно Б.Обама впервые заявил о том, что военное присутствие США на Ближнем Востоке более не необходимо¹³. А стратегия Б.Обамы «лидерства из-за сцены» (*leading from behind*) являлась полной противоположностью интервенционистской стратегии его предшественника Дж.Буша-мл. и была сразу интерпретирована как признание Соединенными Штатами окончания своей региональной гегемонии [26].

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС И ПОЛИТИКА ЕС

С начала 1990-х гг. концепция человеческой или гуманитарной безопасности занимала значительное место в европейских дискурсах мира, устойчивого развития и прав человека, несмотря на критику, касающуюся ее концептуальной двусмысленности. Проблема беженцев и перемещенных лиц - одна из самых

¹¹ Ștefan Füle. Speech on the Recent Events in North Africa. European Commission. Brussels, 28 February 2011. <http://europa.eu/rapid/press-releaseSPEECH-11-130en.htm> (accessed 05.07.2021)

¹² Review of the European Neighbourhood Policy. JOIN(2015) 50 final. European Commission. Brussels. November 18, 2015. http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_staff-working-document_en.pdf (accessed 13.12.2021); European Neighbourhood Policy (ENP). European External Action Service. Brussels. December 21, 2016. https://eeas.europa.eu/diplomatic-network/northern-dimension/330/european-neighbourhood-policy-enp_en (accessed 13.12.2021)

¹³ Sick G. US Persian Gulf Policy in Obama's Second Term. *Gary's Choices*. March 19, 2013. <https://pomeps.org/the-obama-doctrine> (accessed 29.10.2021)

сложных гуманитарных и политических проблем, определяющим политический процесс в Юго-Восточном Средиземноморье.

Причины вынужденной миграции часто имеют гибридный характер: несовершенство государственных институтов управления; демографическая проблема; конкуренция за контроль над распределением ресурсов; трайбализм; слабая судебная система. Но самое главное - военные конфликты.

Непрекращающиеся кризисы в Сирии, Ираке и Ливии стали причиной для самого крупного миграционного кризиса после Второй мировой войны. Европа, благодаря своей географической близости, безопасности и экономической стабильности, является предпочтительным пунктом назначения для мигрантов из Африки и Ближнего Востока. Миграция в Европу за последние два десятилетия была классифицирована как смешанная, включая экономических мигрантов, беженцев, просителей убежища и др. Между тем, миграционная стратегия ЕС, в основном, направлена на предотвращение миграции в Европу.

Количество беженцев и внутренне перемещенных лиц, оставшихся в регионе, в несколько раз больше тех, кто попытался мигрировать в Европу. Согласно данным ООН, только в субрегионе Леванта внутренне перемещенными лицами и беженцами стали более 6 млн человек¹⁴, а в целом суммарно Ирак, Сирию и Йемен покинули более 12 млн человек¹⁵. Только в 2015 году по подсчетам 1 млн человек попытались пересечь Средиземное море в Европу, и половина из них, предположительно, сирийцы.

Миграционный кризис в Европе произошел в 2015-2016 гг., но потоки беженцев и вынужденных переселенцев продолжают концентрироваться в прибрежных районах Юго-Восточного Средиземноморья. По оценкам УВКБ ООН, 84% беженцев остаются в развивающихся регионах мира. Большинство сообществ, которые принимают этих беженцев, живут в регрессивных социально-экономических условиях и крайней нищете¹⁶. Этот процесс оказывает давление на социально-экономическую сферу государств Северной Африки и Ближнего Востока, где также растет поляризация общества, развивается ультра национализм, ксенофобия и генерализированный образ «Другого».

Еще в 2017 г. УВКБ ООН предложила стратегию, которая опирается на существующие международные, региональные и национальные партнерские программы, политические рамки и дорожные карты, чтобы создать согласованную международную стратегию по антикризисному управлению миграционным кризиса. Для успешной ее реализации потребуется порядка \$800 млн и еще \$1 млрд - на урегулирование Средиземноморского миграционного кризиса, в целом¹⁷. Но из года в год ООН заявляет о недополучении заявленного странами-донорами финансирования, объемы которого могут достигать до 50%.

В странах Европы распространяется мнение, что беженцы, прибывающие в Европу, являются представителями другой культуры с чуждыми ценностями, что они не цивилизованные или образованные, и, таким образом, воры и преступники¹⁸. Другая сторона проблемы беженцев - это получение статуса. Многие мигранты специально избавляются от своих документов, чтобы выдать себя за граждан другой страны и получить статус беженца¹⁹.

Такое негативное восприятие мигрантов приводит к росту популистских и ультранационалистских настроений, давлению политиков на принятие протекционистских мер. Миграционный кризис усугубил исламофобию и ксенофобию в европейском обществе: согласно опросам *Pew Research Centre* 2017 г., беспокойность населения в угрозе исламского экстремизма, в среднем, по Европе составляет больше 40%.

Миграционный вопрос в отношениях между Севером Средиземноморья и Югом находится не только в сфере безопасности - он в значительной степени затрагивает экономический сектор и рынок труда. Таким образом, миграционный кризис становится социально-экономическим процессом со значительными поли-

¹⁴ Situation Syria Regional Refugee Response. Operations Portal Refugee Situation. UNHCR. 2018. <https://data2.unhcr.org/situations/syria> (accessed 18.11.2021)

¹⁵ 1 per cent of humanity displaced: UNHCR Global Trends report. UNHCR. <https://www.unhcr.org/news/press/2020/6/5ee9db2e4/1-cent-humanity-displaced-unhcr-global-trends-report.html> (accessed 02.12.2021)

¹⁶ Global Trends: Forced Displacement. UNHCR. <http://www.unhcr.org/globaltrends2016/> (accessed 12.07.2021)

¹⁷ The Central Mediterranean Route: Working on the Alternatives to Dangerous Journeys, Supplementary Appeal. UNHCR, January-December 2017. <http://reporting.unhcr.org/sites/default/files/UNHCR%20Central%20Mediterranean%20Route%20SB%20Jan-Dec%202017%20-%2017JUL17.pdf> (accessed 22.10.2021)

¹⁸ Janjac D. Othering refugees in the Netherlands. *Prezi*. 1 June 2016. <https://prezi.com/7sugtikfhfk1/othering-of-refugees-in-the-netherlands/> (accessed 27.11.2021)

¹⁹ Toaldo M. Libya's migrant-smuggling highway: Lessons for Europe. European Council on Foreign Relations Policy Memo. November 2015. http://www.files.ethz.ch/isn/195092/ECFR-147_Libyas_Migrant_Smuggling_Highway1.pdf (accessed 06.07.2021)

тическими последствиями. Миграционный кризис в Средиземноморье включает в себя проблему рабства и принудительных работ. Распространена она не только в Юго-Восточном Средиземноморье, но и в Северном, в государствах Европы.

Эксперты ОБСЕ обращают внимание, что на низкооплачиваемом труде мигрантов строится экономический рост развитых государств Европы²⁰. Другие указывают, что именно экономическая конкуренция в Европе становится причиной использования иностранной низкоквалифицированной рабочей силы [27]. Мигранты же соглашались на работы, которые получили аббревиатуру 3D: грязную, опасную и сложную (*dirty, dangerous and difficult*).

Но иногда этот выбор они не делают добровольно. В Европе беженцы живут в центрах временного содержания, которые управляются и охраняются частными фирмами, получившими государственную лицензию. Согласно исследованиям, такие центры поставляют рабочую силу для клининговых кампаний и общепита²¹. Мигранты и беженцы не с состоянием оспороть условия и оплату труда из опасения быть высланными из стран Европы [27].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Европейский Союз на данный момент не смог выработать стратегию, которая бы обеспечивала долгосрочную стабильность и безопасность всего Средиземноморского пространства. Европейская политика соседства не реализовала свои ключевые задачи в построении процветающего регионального соседства и эффективной архитектуры противодействия гибридным угрозам.

Страны Юго-Восточного Средиземноморья критически относятся к политике Союза, обвиняя его в двойных стандартах в разрешении миграционного вопроса, а также приоритетному вниманию своей безопасности в ущерб интересам его южных соседей.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. The Italian Strategy in the Mediterranean. Stabilizing the Crises and Building a Positive Agenda for the Region. 2018. Rome: Farnesina.
2. Braudel F. 1995. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Berkeley: University of California Press. 650 p.
3. Horden P., Purcell N. 2000. The corrupting sea: A study of Mediterranean history. Oxford, England/Malden, Mass: Blackwell.
4. Abulafia D. 2011. Mediterranean history as global history. *History and Theory*. № 50(2), pp. 220-228.
5. Manners I. 2002. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. № 40(2), pp. 235-258.
6. Cusumano E., Hofmaier S. 2020. Projecting Resilience Across the Mediterranean. Cham: Palgrave Macmillan.
7. Wagner W., Anholt R. 2016. Resilience as the EU Global Strategy's New Leitmotif: Pragmatic, Problematic or Promising? *Contemporary Security Policy*. № 37(3), pp. 414-430.
8. Bourbeau P. 2018. On Resilience. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Chandler D., Coaffee J. (Eds.). 2016. The Routledge Handbook of International Resilience. London: Routledge.
10. Coaffee J. 2006. From Counterterrorism to Resilience. *The European Legacy*. № 11(4), pp. 389-403.
11. Walker J., Cooper M. 2011. Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation. *Security Dialogue*. № 42(2), pp. 143-160.
12. Joseph J. 2018. Varieties of Resilience: Studies in Governmentality. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Abrahamian E. 2003. The US media, Huntington and September 11. *Third World Quarterly*. № 24 (3), pp. 529-544.
14. Bottici C., Challand B. 2006. Rethinking political myth: The clash of civilizations as a self-fulfilling prophecy. *European Journal of Social Theory*. № 9(3), pp. 315-336.
15. Gerges F. 1999. A. America and political Islam: Clash of cultures or clash of interests? Cambridge: Cambridge University Press.
16. Bicchieri F. 2018. The Mediterranean, between unity and fault line. *Global Affairs*. № 4(2-3), pp. 329-339.
17. Chambers I. 2008. Mediterranean crossings: The politics of an interrupted modernity. Durham, NC: Duke University Press.
18. Pace M. 2006. The politics of regional identity: Meddling with the Mediterranean. London/New York: Routledge.
19. De Cesari C. 2017. Museums of Europe: Tangles of memory, borders, and race. *Museum Anthropology*. № 40(1), pp. 18-35.
20. Görgülü A., Kahyaoglu G.D. 2019. The Remaking of the Euro-Mediterranean Vision. Bern: Peter Lang AG.
21. Maass A. 2017. Financial Instruments and the European Neighbourhood Policy. T. Schumacher, A. Marchetti, T. Demmelhuber (Eds.) *The Routledge Handbook on the European Neighbourhood Policy*. Oxon: Routledge.

²⁰ Analysing the Business Model of Trafficking in Human Beings to Better Prevent the Crime. Office of the Special Representative and Co-ordinator for Combating Trafficking in Human Beings. 2010. <http://www.osce.org/cthb/69028?download=true> (accessed 05.07.2021)

²¹ Arbogast L. Migrant Detention in the European Union: A Thriving Business; Outsourcing and Privatisation of Migrant Detention. Migreurop. 2016. <http://www.migreurop.org/IMG/pdf/migrant-detention-eu-en.pdf> (accessed 18.11.2021)

22. Bildt C. 2015. Europe Surrounded Not by a Ring of Friends-But by a Ring of Fire. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies.
23. Schumacher T. 2015. Uncertainty at the EU's Borders: Narratives of EU External Relations in the Revised European Neighbourhood Policy Towards the Southern Borderlands. *European Security*. № 24(3), pp. 381-401.
24. Coaffee J., Fussey P. 2015. Constructing Resilience Through Security and Surveillance: The Politics, Practices and Tensions of Security-Driven Resilience. *Security Dialogue*. № 46(1), pp. 86-105.
25. Wehrey F., Sokolsky R. 2015. Imagining a New Security Order in the Persian Gulf. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
26. Ehteshami A. 2014. Making Foreign Policy in the Midst of Turmoil. In R. Hinnebusch, A. Ehteshami (eds.). *The Foreign Policies of Middle East States*. Boulder, CO: Lynne Rienner.
27. Boulby M., Christie K. 2017. Migration, Refugees and Human Security in the Mediterranean and MENA. Cham: Palgrave Macmillan.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тимакова Ольга Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. Москва, Россия.

Olga A. Timakova, PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.10.2021

Доработана после рецензирования
(Revised) 24.12.2021

Принята к публикации
(Accepted) 24.01.2022